

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

Научная статья

УДК 159.9

DOI: 10.20323/1813-145X-2024-2-137-150

EDN: IZEBOT

Академическая и прикладная психология: «точки бифуркации», связи, отношения

Владимир Алексеевич Толочек

Доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник института психологии РАН. 129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, к. 1

tolochekva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1378-4425>

Аннотация. Цель работы: обсуждение вопросов о закономерностях и факторах исторической эволюции дисциплины (предмета дисциплины и взаимоотношения академической и прикладных частей психологии; возможности построения интегративной, коммуникативной психологии). В ходе исследования были использованы включенное наблюдение, «трудоустройный метод» (по И. Н. Шпильрейну), рефлексия профессионального опыта. В статье представлен критический анализ суждений представителей академической психологии об отношении разных ее частей, ее ветвей; о дискретности четырех уровней методологии, о необходимости активного развития третьего уровня – конкретно-научной методологии, о препятствиях и барьерах; об условиях, способствующих построению интегративной психологии.

Автором поддерживаются тезисы о необходимости построения единой психологии, сформулированные в работах В. А. Мазилова (о необходимости развития и расширения методологии «снизу», о методологии, нацеленной на интеграцию, о предмете и понятийном аппарате, об уровне строения психологического факта и др.; о причинах и препятствиях на пути решения задач становления психологии как зрелой дисциплины – об отсутствии общей фактуальной базы, о необходимости моделей, увеличивающих объем психологического знания, теоретических моделей, обеспечивающих соотношение психологических концепций, об особой методологии прикладной практической психологии и др.). Прослеживаются конструктивные следствия признания необходимости широкого понимания предмета, «охватывающего все пространство дисциплины», предмета как «внутренний мир человека», как целостного идеального мира, порождаемого как функциональное отражение мира внешнего, представляющего собой устойчивую субстанциональную сущность. Автор полагает, что взаимоотношения (людей, социальных институтов, научных дисциплин, их частей и пр.) должны быть именно взаимными, отношениями равных.

Ключевые слова: психология академическая; прикладная психология; предмет психологии; внутренний мир человека; отношения; методология; эволюция; развитие

Исследование выполнено в соответствии с Государственным заданием Минобрнауки РФ № 0138-2024-0017 «Профессиональная деятельность и развитие личности человека в условиях организационных и техногенных изменений»

Для цитирования: Толочек В. А. Академическая и прикладная психология: «точки бифуркации», связи, отношения // Ярославский педагогический вестник. 2024. № 2 (137). С. 150–162. <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2024-2-137-150>. <https://elibrary.ru/IZEBOT>

GENERAL PSYCHOLOGY, PERSONALITY PSYCHOLOGY,
PSYCHOLOGY HISTORY

Original article

Academic and applied psychology: «bifurcation points», contacts, correlations

Vladimir Al. Tolochek

Doctor of psychology, professor, chief researcher, Institute of psychology, Russian academy of sciences. 129366, Moscow, Yaroslavskaya st., 13, bldg. 1
tolochekva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1378-4425>

Abstract. Purpose of the work is to discuss questions about the laws and factors of the historical evolution of the discipline (subject of the discipline and the relationship between academic and applied parts of psychology; possibilities of building integrative, communicative psychology). In the course of the study, the included observation, the «labor method» (according to I. N. Shpilrein), reflection of professional experience were used. The article provides a critical analysis of the judgments of representatives of academic psychology about the correlation of its different parts, its branches; on the discreteness of the four levels of methodology, on the need for active development of the third level – specific scientific methodologists, on obstacles and barriers; on conditions conducive to the construction of integrative psychology.

The author supports the theses on the need to build a unified psychology formulated in the works of V. A. Mazilov (on the need to develop and expand the methodology «from below», on the methodology aimed at integration, on the subject and conceptual apparatus, on the level structure of psychological fact, etc.; on the reasons and obstacles to solving the problems of the formation of psychology as a mature discipline - on the absence of a common factual base, on the need for models that increase the volume of psychological knowledge, theoretical models that ensure the correlation of psychological concepts, on a special methodology of applied practical psychology, etc.). There are constructive consequences of recognizing the need for a broad understanding of the subject, «covering the entire space of discipline», the subject as «the inner world of man», as an integral ideal world, generated as a functional reflection of the external world, which is a stable substantive entity. The author believes that relationships (people, social institutions, scientific disciplines, their parts, etc.) should be just mutual, relations of equals.

Key words: academic psychology; applied psychology; subject of psychology; the inner world of man; relationships; methodology; evolution; development

The study was carried out in accordance with the state assignment of the Ministry of education and science, the Russian Federation № 0138-2024-0017 «Professional activity and development of a person's personality in conditions of organizational and technological changes».

For citation: Tolochek V. A. Academic and applied psychology: «bifurcation points», contacts, correlations. *Yaroslavl pedagogical bulletin*. 2024; (2): 150-162. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2024-2-137-150>. <https://elibrary.ru/IZEBOT>

Введение

В периоды активного развития страны, ее отдельных отраслей (железнодорожного транспорта, авиации, космонавтики, атомной энергетики и др.) востребованность в психологических знаниях, как правило, заметно выше и их вклады более весомы, заметны и «реальны»; в периоды «плато», стагнации или неопределенности перспектив – много меньше (во всяком случае, малозаметны). В революционные периоды развития общества, порождаемые особыми обстоятельствами, «пассионарии» появляются в разных сферах жизни, что и определяет большую меру и быстроту согласованности разных процессов,

протекающих в эволюции науки, экономики и общественной жизни. В спокойные периоды «нормальной» науки (по Т. Куну) она может оставаться своего рода «вещью в себе» (по И. Канту), запираясь в границах устоявшихся парадигм; ее развитие более определяется появлением новых теорий и им оппозиционных концепций, дискуссиями их апологетов. Складывается впечатление, что полноценное воплощение принципа «единства теории, эксперимента и практики» [Ломов, 1984; 2006] возможно лишь в «революционные» периоды эволюции страны и отдельных отраслей; в спокойные периоды происходит своего рода накопление знаний, технологий деятельности, сочетающееся с неизбежной

дифференциацией работы людей, следовательно, их узкой специализацией и не готовностью действовать широким фронтом.

Понятно и объяснимо, что вопросы эволюции дисциплины, отношений академической и прикладной психологии регулярно становятся актуальными вследствие логики ее развития, безотносительно к радикальным социальным изменениям. Один из важнейших вопросов о закономерностях и факторах исторической эволюции дисциплины – вопрос отношений академической и прикладной частей психологии. В научной литературе сложились устойчивые особенности их освещения, настолько устойчивые и своеобразные, что они сами – *особенности рефлексии академическими психологами отношений академической и прикладной психологии* – уже требуют своего критического анализа. Эти вопросы и стали *задачей* нашего обсуждения, в первом приближении определим ее так: методологическая рефлексия широкого круга вопросов, выступающих в качестве предмета исследования. *Цель* работы: приглашение коллег к дискуссии о состоянии российской психологии на рубеже II-го и III-го тысячелетий. *Методы*: включенное наблюдение, «трудовой метод» (по И. Н. Шпильрейну), рефлексия профессионального опыта.

Результаты исследования

1. Академическая психология: предмет, задачи, методы

Академическая психология – так условно будем называть сферу нашей деятельности. Авторитетные ученые приводят несколько ее возможных наименований, отражающих соответствующие аспекты – фундаментальная, научная, теоретико-экспериментальная, научно-исследовательская [Взаимоотношения ..., 2015]; выделяют разные типы ее взаимодействия с разными видами «практики» – А-взаимодействие, В-взаимодействие и пр. [Журавлев, 2015]. Но в нашем разговоре достаточно одного очевидного различия: одни психологи работают с «бумагой» (читают книги, статьи и пр.; результаты их деятельности воплощаются в том же материале), другие – с человеком («глаза в глаза»; результаты их деятельности – изменение состояния человека).

В сравнениях академической и прикладной психологии мои коллеги часто исходят из мало конструктивных посылок: 1) Все, что не относится к академической психологии, не соответствует критериям науки. (Да, но, во-первых, спектр задач, успешно решаемых в современной

академической психологии, сравнительно узок; во-вторых, критерии успешности практической деятельности несколько иные). 2) Академической психологии противопоставляется крайне широкий круг разных видов деятельности, выполняемых квалифицированными психологами и лицами, не имеющими соответствующего образования; не всегда различаются *прикладная* и *практическая* психология. 3) Особенности деятельности специалистов в сферах *прикладной* и *практической* психологии представляются крайне упрощенно (в них отсутствуют измерения, специальные техники и технологии, сравнения единичного объекта – конкретного человека с «общим», вся деятельность строится на интуитивизме, «искусстве» и пр.; здесь кратко заметим, что разные виды прикладной и практической психологии, сформированные во второй половине XX в., – интегративные, они активно используют арсенал разных «психологий», а специалисты, пройдя стадию ученичества, в своей работе редко остаются в русле одной базовой традиции, они активно используют разные техники, формируя себя как своего рода «инструмент» деятельности).

За основу представления о психологии как научной дисциплине (в контексте нашего размышления – *академической психологии*), освещения ее состояния, проблем, функций и задач примем работы одного из ведущих методологов – В. А. Мазилова: «в научной психологии – как она себя позиционировала со второй половины XIX столетия – *предмет психологии был задан слишком узко*» [Мазилов, 2020, с. 9] (здесь и ниже курсивом выделено автором статьи). «Основные функции предмета: а) конституирование науки, б) обеспечение работы “машины предмета”, ... за счет внутрипредметных отношений ... возможно *построение моделей, увеличивающих объем психологического знания*. в) *Определение предмета исследования ... Эта функция позволяет конструировать предмет конкретного научного психологического исследования*. г) Роль предметного стола. ... *Сопоставление понятий, их сравнение возможно только в том случае, если они находятся в одной плоскости психологического исследования*. д) *Предмет должен определять границы науки, то есть охватывать все пространство дисциплины*. е) Дидактическая функция»; «Предмет должен быть внутренне достаточно сложным, чтобы содержать в себе сущностное, позволяющее выявлять собственные законы существования и развития»; «Понимание

предмета должно быть таково, чтобы позволить разрабатывать науку психологию по собственной логике» [Мазиллов, 2020, с. 27]; «Понятие “*внутренний мир человека*”... отражает бытие человека и формируется в процессах жизнедеятельности» [Мазиллов, 2020, с. 53]; «трактовка предмета как внутренний мир человека 1) позволяет “предмету” реализовать свои функции; 2) соответствует основным требованиям к “предмету”» [Мазиллов, 2020, с. 56].

«Методология должна быть методологией “снизу”. Методологию “сверху” мы слишком хорошо знаем»; «должна быть *методология, нацеленная на интеграцию*» [Мазиллов, 2017, с. 10]; «Метод представляет собой сложное образование, имеет уровневую структуру, причем различные уровни связаны с различными компонентами предтеории» [Мазиллов, 2020, с. 237]; «Можно говорить по меньшей мере о трех уровнях метода. На первом уровне метод выступает как идеологический, то есть на этом уровне выражается общий принцип (“идея”) метода. Этот уровень, в основном, определяется идеей метода как компонентом структуры предтеории, который, в свою очередь, детерминируется пониманием предмета психологии» [Мазиллов, 2020, с. 337]; «феномен, осмысленный как психическое явление, становится психологическим фактом» [Мазиллов, 2020, с. 251].

Следуя представлениям В. А. Мазилова о нашей дисциплине, должно признать, что если первоначально наш предмет действительно был определен чрезмерно широко как *наука о душе* (что было явно недоступно для дисциплины в XIX в.), то в последующем он уже определялся явно узко, согласуясь с генеральной концепцией того или иного лидера. Он задавался как поведение, как деятельность и др., когда не охватывается, а отсекается все иное как «другое». При складывающихся на протяжении десятилетий подходах выстраивание внутрпредметных отношений ведет к «увеличению объема психологического знания», но именно только лишь *объема*; при этом крайне затруднительно и сопоставление понятий, рожденных в разных научных традициях, функционирующих в разных частях психологии не «на равных», а с явным небрежением к практике их использования; попытки создания общей и универсальной системы научных понятий ведущими учеными – К. К. Платновым, А. В. Петровским, М. Г. Ярошевским и др., – должно признать мало успешными.

Наш выбор работ В. А. Мазилова (1998; 2017; 2020 и др.) как основания для последующего анализа определяется следующим – они представляют собой пример: 1) наиболее полного и развернутого освещения проблем современной психологии; 2) обстоятельного и последовательного анализа, пролонгированного в нескольких десятилетиях (то есть в них выделены устоявшиеся тезисы, неполемические заметки); 3) завершенного охвата почти всех составляющих науки (предмет, задачи, методы, методология, история развития, ближайшие и отделенные цели и пр.); 4) сходные позиции представлены в работах многих методологов и ведущих ученых – А. М. Аллахвердова, М. С. Гусельцевой, А. Л. Журавлева, В. П. Зинченко, А. В. Юревича и др.; 5) в научной литературе не встречаются фрагменты явно выраженной критики работ В. А. Мазилова его возможными оппонентами.

Итак, обобщая, выделим некоторые характерные особенности современной академической психологии: признание ее выраженного аналитизма, перманентные дискуссии о предмете дисциплины, ее методологии и методах; если в качестве предмета выделяется *внутренний мир человека*, то должно признать, что его адекватные измерения и оценки «цифрой» психологических методик в настоящее время малопродуктивны, как и оценки экономической эффективностью разных социально-психологических технологий; взаимоотношения академической и прикладной частей психологии довольно сложны и не определены в их главных аспектах.

2. Особенности эволюции академической и прикладных частей психологии: сходства и различия

Объектом академической психологии выступают реальные фрагменты социальной действительности, но ее предметом – их *части*, представленные тем или иным *концептом*, частью той или иной концепции (теории), наиболее адекватно объясняемым лишь в ее границах, как их *репрезентация*, представленная актуальным методическим инструментарием. Объектом прикладных частей психологии выступают люди и социальные группы в их реальной единичной представленности «здесь и теперь», предметом – их реальные дисфункции (жалоба, запрос, проблема и т. п.) как их непосредственная *презентация*, представленная самооценками человека, аспектами его деятельности, поведения и соматических проявлений (*про-явлений*).

Основанием деятельности ученого выступает рефлексия актуального социального запроса, проявленные противоречия в развитии дисциплинарного знания, заявленная другими научная позиция. Как правило, это отражение некоторых общих исторических тенденций и особенных событий, продолжительно вызревающих, масштабных, многоплановых. Деятельность практика – это обычно решение реальной проблемы отдельного человека, социальной группы, требующая незамедлительного решения (хотя бы и неполного, частичного).

Цели деятельности первых – познание и выявление общего (всеобщего) и особенного; вторых – познание и управление особенным и единичным.

Основным результатом деятельности ученого являются научные публикации (даже в научных квалификационных работах в разделе «практическая значимость» резюмируется: «результаты исследования могут использоваться в чтении учебных курсов по ...»); результатом деятельности практика – решение конкретной единичной социальной задачи (оптимизация социальной, психической, физической сферы жизнедеятельности конкретного человека и/или группы).

Основной информационной базой, влияющей на деятельность ученых, являются литературные источники; их труды воплощаются в таких же литературных источниках, к которым обращаются те же ограниченные группы пользователей. Новая, переработанная информация, порождает новую волну размышлений и представлений учеными своего видения, дискуссий, что ведет к появлению новых литературных источников.

Типичный подход «академиков» к формулированию проблемы, к постановке задач – это реакция на «вызов» в доступных *литературных источниках*. Так, например, не менее 80 % публикаций о проблемах отношения академической и прикладной психологии, обсуждаемых с конца 1990-х годов инициированы статьей Ф. Е. Василюка [1996]; не более 20 % из числа обсуждающих эти вопросы имели опыт ведения психотерапевтических сессий, знают техники разных психотерапевтических подходов (и едва ли могли бы назвать более десяти подходов из множества исторически сложившихся к концу XX в.); не более 20 % обсуждающих проблему включают в свой анализ другие прикладные ветви психологии, помимо психотерапии; не менее 80 % авторов публикаций ограничиваются в своем анализе ссылками на суждения других специ-

алистов (чаще, негативно оценивающих теоретический базис и эвристику психотерапевтических подходов). Показательным примером может служить одна из коллективных монографий [Взаимоотношения..., 2015].

Выделим и еще один важный аспект типичного рассмотрения затронутой нами проблемы – источники генерирования идей, концепций, решений, деятельности, поведения и пр. Любые источники имеют пространственные, информационные, энергетические и временные ограничения. Ограничены в своих возможностях и источники литературы. Складывается впечатление, что если бы Ф. Е. Василюк не опубликовал свою радикальную статью в *академическом журнале*, не было бы и регулярных обсуждений этой проблемы в продолжение трех десятилетий (перифразируя известное выражение, можно констатировать: «Нет статьи – нет и проблемы»). Напомним, что Ф. Е. Василюк успешно выступал в разных социальных ролях (как ученый – сотрудник Психологического института РАО, как администратор вуза – декан, как аудиторный преподаватель, как практик-консультант, психотерапевт, ведущий мастер-классов, как разработчик особой системы – понимающей психотерапии), что во многом объясняет резонансный эффект его статьи. Его оппоненты около 30-ти лет ограничиваются публикацией статей исключительно в своих изданиях, только им и доступных, ими же и читаемых, их побуждающих к продолжению дискуссии. Общественный резонанс таких акций, полагаю, не велик. Несомненно, ценные рассуждения и выводы «академиков» адресованы лишь самим себе; вся деятельность рефлексии проходит в узком русле ими же очерченного круга доступности информации.

Да, верно, проблема отношений частей психологии актуальна, перспективы их интеграции пока не очевидны. Рассуждая о затронутых проблемах, помимо психотерапии, к активно развивающимся прикладным областям психологии можно также отнести организационную психологию (по утверждению некоторых специалистов, еще не имеющую своей методологии или имеющую лишь в стадии становления); психологию спорта, находящуюся в такой же стадии эволюции; школьную психологию и др. Так, например, выделенная нами как особая сфера деятельности *школьная психология* не сводится к академической педагогической и психологии развития; ее базовая предметная триада «*учитель – дети – родители*» с должным расширением

предмета сферой досуга детей, их увлечений, которые могут стать будущей профессией (занятия в спортивных секциях, кружках творчества, детской музыкальной школе и т. п.); важной задачей школьной психологии должно стать и патристическое воспитание. Все это чрезвычайно важные вопросы, в настоящем частью решаемые энтузиастами и волонтерами, учителями и психологами, должны обрести свое дисциплинарное оформление и полноценное методологическое сопровождение.

Но, повторим, в суждениях ученых об отношениях академической и прикладной психологии в девяти случаях из десяти обсуждается лишь психотерапия, представленная Ф. Е. Василюком как образец социально ценной дисциплины. В контраргументах ученые иногда ссылаются на сложности эволюции психотерапии, признаваемые и самими практиками [Сосланд, 2006]. Но и в академической психологии и «проблем», и «парадоксов развития» предостаточно. Так, например, заметно расширяется спектр создания новых методик (преимущественно вне их адаптации на разных профессиональных и возрастных выборках, то есть без выхода в реальную практику, что на рубеже XIX–XX в. было важным условием становления психологии как науки, но теперь лишь порождающих новые концепты и концепции); продуцируются новые системные подходы и системы без их интеграции в единой профессиональной картине мира, вследствие чего такие «системы» остаются лишь «элементами» неупорядоченного знания; профессиональная подготовка «душеведов» ведется без их ориентации на работу с человеком; значительная часть научных исследований проводится на людях, сидящих за партой или письменным столом, что едва ли можно признавать исчерпывающе полной «моделью» разных сфер жизнедеятельности человека; практической работой преимущественно занимаются люди уже имеющие иное высшее образование, приходящие к нам для получения системных знаний и уходящие в свои прежние сферы без поддержания с нами профессиональных отношений.

О наших внутренних дисциплинарных проблемах давно и регулярно говорят методологи и ведущие ученые [Зинченко, 2003; 2016; Карпов, 2015; Корнилова, 2006; Мазилев, 2017; 2020; Шадриков, 2022; Юревич, 2005; др.]. Они были, есть и будут, пока существует наука и ее служители; они – одно из базовых условий конструктивной эволюции нашей сферы деятельности.

И если есть сходные проблемы в смежных областях, значит, «мы одной крови».

3. «Точки бифуркации» и возможности интеграции академической и прикладных частей психологии

Непростые отношения академической и прикладной психологии – отражение естественных процессов становления ее как научной дисциплины и сферы социальной деятельности. Подобные процессы происходили в эволюции ремесел и профессий (первые инициировали становление вторых, затем частью поглощались и преобразовывались вторыми, но не исчезали и не утрачивали своих социальных функций и значимости); ремесла постоянно обогащаются новыми знаниями и технологиями и находят свои социальные ниши; возможно, что расширение спектра жизни ремесел – наше недалекое будущее. Подобные процессы происходили в истории медицины, техники, цирка, спорта, театра, многих видов искусства. Объяснимо, что в процессах эволюции общества накопленные технологии деятельности совершенствуются, масштабируются, транслируются в разные сферы жизнедеятельности человека, периодически воспроизводятся и переводятся с новыми техническими возможностями их реализации крупными организациями. Процессы подготовки человека как субъекта деятельности также периодически разделяются и специализируются. Но эти естественные исторические процессы, смещая и изменяя свои доминанты, все же не устраняют окончательно первоначальных форм производства товаров и услуг, форм организации профессиональных сообществ и деятельности отдельных профессионалов.

При более широком взгляде все части академической и прикладной психологии видятся как взаимно дополняющие друг друга, как необходимые друг другу, а некоторое различие путей их эволюции – лишь *особенное и единичное*; сравнительно короткая история психологии – полтора столетия – не располагает к исчерпывающе полному анализу («Большое видится издалека»).

В последние полвека ученые регулярно пишут о необходимости комплексных исследований [Ломов, 1984; 2006; Мазилев, 1998; 2017; 2020; Юревич, 2006]. Но их проведение в рамках академической психологии крайне затруднено, вследствие методологических и методических норм, принципов, метрик; вследствие серьезных понятийных затруднений при взаимодействии представителей разных дисциплин [Костин,

2014]. Однако, они возможны и неоднократно реализовались на практике, например, в научном сопровождении спортсменов в 1970–1980-е годы (эти ученые-практики так и назывались — *комплексные научные группы*, а их деятельность не замыкалась в границах их межличностного общения, их публикаций, а активно обсуждалась, проговаривалась, согласовывалась с тренерами и спортсменами; все их новые подходы и методы нередко были *полевыми экспериментами*, правда, иногда и неудачными, что не отменяло форм такой деятельности).

Более сорока лет «академики» декларируют стремление следовать принципу единства теории, эксперимента и практики; но его реального воплощения в НИР едва ли можно найти. В то же время подобное регулярно – и без деклараций – происходит в той же спортивной психологии, как и в психотерапии (которую так много осуждают «академики»).

Приведем пример из сферы спорта. Во второй половине XX в., согласно теории и методике «управления спортивной тренировкой» (УСТ), во всех видах спорта основную деятельность спортсмена регулярно разделяли на отдельные части, с высокой нагрузкой формируя и повышая возможности разных функций организма и психики, затем – на основании опыта и интуиции тренера все «части» собирались в «целое» – готовность спортсмена к конкретному соревнованию. В. И. Григорьев (2023) представил вариант привлечения «фрактальной методологии» к УСТ. Согласование составляющих подготовки спортсмена с учетом фрактального принципа обеспечивало повышение максимальной скорости бега посредством сонастройки резонансов биодинамических параметров ключевых составляющих движения человека, метаболических и функциональных перестроек в ответ на нагрузки избирательного воздействия. Управление и коррекция изменений результата (скорости) обеспечивались комплексом измеряемых параметров – длины шага, ритма, мощности, темпа; контролем газообмена и состояния крови, частоты сердечных сокращений, скорости зрительно-моторных реакций, самооценок состояния (по методике «САН») и др. Другими словами, достижение новых, более высоких результатов спортсменов достигалось не как прежнее наращивание возможностей отдельных функциональных систем с последующим их суммированием, а как формирование новых уровней их согласованности, их подобия друг другу (самоподобия), включающего

как технику вида спорта, биомеханику движений, физиологию организма, так и психику человека.

Согласимся, работа В. И. Григорьева – локальная, ее целью была лишь оптимизация предсоревновательной подготовки 16-ти высококвалифицированных спортсменов, бегунов на средние дистанции (она адресована не всем 8-ми млрд. человек, населяющим Землю, как нам бы хотелось, что мы латентно постулируем в своих работах). Но подобный охват разных систем человека в единой программе управления и согласования трудно представляется в нашей академической психологии; подобных прецедентов не припоминается, хотя о необходимости комплексных исследований ведущие ученые пишут уже много лет. И даже блестящие для XX в. работы Н. А. Бернштейна (2004; др.), были лишь *лабораторными экспериментами*, в которых изучались лишь связи биомеханики и физиологии организации *движения* (а не деятельности).

Также многоаспектной, но в другом «ключе», является работа С. И. Дорохова (2023). В моделях *движения игрового процесса*, позволяющих приводить команды к более высоким результатам, ученым включаются устойчивые (повторяющиеся) сочетания элементов (блоки), встречающиеся на различных уровнях построения систем. Блоки, каждый из которых обладает свойствами самостоятельной системы, включают как детерминированные, так и стохастические составляющие. Такими блоками в спортивных играх выступают: типовые и уникальные *тактические комбинации* (индивидуальные, групповые и общекомандные), устойчивые (стереотипные) *наборы технических действий каждого полевого игрока*. Использование аппарата *экспертных систем* позволяет строить имитационные модели с элементами детерминированности и произвольности и таким образом моделировать системы разной сложности, воссоздавать и проигрывать все *возможные сочетания произвольных и стереотипных (отработанных) действий* игроков на площадке.

Можно предполагать, что модели С. И. Дорохова в перспективе могут усиливаться оперативной информацией о действиях командооперников в текущем сезоне; о вариантах изменения игры при заменах игроков, изменения тактики в разных ситуациях и др. (современные интеллектуальные системы позволяют это делать). К слову, в современной академической психологии подобные работы с прямым управлением реальной деятельностью людей не обнаружива-

ются, хотя есть глубокие концептуальные разработки проблемы.

Но остаются и проблемы другого рода. Так, В. П. Зинченко, размышляя о методах и задачах общей психологии, довольно скептически оценивал ее возможности. Он, в частности, отмечал: «язык исследователя должен выявлять *в языке жизни* реальные механизмы и ход событий... успех такого дела предполагает умение четко выделять *уровни анализа* или *уровни языка*, видеть *факт перехода ... значений* из одного на другой» [Зинченко, 2016, с. 80] (здесь и ниже курсивом выделено автором статьи); «задача науки в том и состоит, чтобы иметь в своем распоряжении (или найти) *понятия и термины* для той *работы жизни*, в которой это строение возникает» [Зинченко, 2016, с. 84]; «*невозможность концептуализировать множество оттенков широкой гаммы эмоциональных переживаний, оттенков, запахов и т. п. ... полисемичность разветвлений рядов значений и контекстов обывденного языка*» [Зинченко, 2016, с. 85]. Но обратим внимание – именно такие задачи сравнительно легко решаются в психотерапии, причем в разных подходах разными средствами (например, в NLP – произвольным управлением метрикой пространства-времени-энергии воспринимаемых человеком условий его актуального окружения; в гештальт-психологии – методом «бархатной терапии» – полутоновыми переходами к новым характеристикам самооенок человеком своего состояния; в понимающей психотерапии – переходом к новым «регистрам», иначе – к новым понятийным системам).

Г. М. Андреева (2005) к психологическим характеристикам социальной группы относил «такие групповые образования, как групповые интересы ... потребности ... нормы ... ценности ... мнения ... цели. И хотя *современный уровень развития социальной психологии не располагает ни традицией, ни необходимым методическим оснащением для анализа всех этих образований*, крайне важно поставить вопрос о “законности” такого анализа, ибо именно *по этим характеристикам каждая группа в психологическом плане отличается от другой*» [Андреева, 2005, с. 139]; (курсивом выделено автором статьи). Другими словами, авторитетный ученый отмечает методологические и методические сложности концептуализации характеристик социальных групп как объекта и предмета науки; в то же время с середины XX в. эволюцией социальных групп, в частности, в границах организаций – достаточ-

но успешно управляли психологи-практики (опыт которых синтезирован в ее прикладной ветви – организационной психологии); на протяжении более 20-ти столетий эволюцией социальных групп достаточно успешно управляли выдающиеся военачальники и гражданские администраторы.

«Словом можно убить, словом можно спасти, / Словом можно полки за собой повести.» (В. Шефнер) и при этом неоднократные попытки ученых на протяжении XX в. – Б. Рассела, Л. Витгенштейна, А. Дж. Айера, Г. Райла и многих других, – «навести порядок» в научных текстах, использующих естественную речь людей, оказывались малопродуктивными...

Обобщая, подчеркнем, что серьезные проблемы научного изучения психического отмечаются как на «полюсе» отдельного человека, так и на «полюсе» больших и малых объединений людей, и, видимо, не только на «полюсах», но и в большей части всего континуума проявлений психического (о чем косвенно может свидетельствовать не уменьшающийся поток созидания новых методик). В то же время некоторые неординарные люди достаточно успешно решают актуальные вопросы практического управления состояниями человека и социальных групп. Складывается впечатление, что, с одной стороны, ряд проблем и задач, крайне сложных для их решения средствами академической психологии, могут сравнительно легко разрешаться средствами ее прикладных ветвей; с другой – опыты обобщения и концептуализации знания средствами прикладных ветвей психологии представляются малоубедительными и крайне упрощенными в видении «академиков». Есть ли это лишь наше «видение» или же реальность, независимая от наших суждений, нам все же нужно верно определить.

4. «Ключевой вопрос» в перспективах интеграции академической и прикладных частей психологии

В непростых отношениях академической и прикладной психологии есть пограничные области, которые часто обходят как теоретики, так и практики, «наведение мостов» в которых возможно и необходимо.

Первая «пограничная область» – методический арсенал профессии, четвертый уровень методологии, уровень методик и техник исследования – сравнительно благополучная сфера. Он – естественное рабочее пространство методистов, полевых исследователей, соискателей ученой

степени. Как правило, каждый инициативный исследователь в большей или в меньшей степени адаптирует известный и конструирует авторский методический инструментарий, выстраивает оптимальную программу НИР (научно-исследовательской работы). Такое новаторство считается нормой, не встречает жесткой критики оппонентов; достаточно лишь обосновать надежность и валидность инструментария.

Но этот уровень разработок обычно становится локальным фрагментом, подчиненным узким задачам и специфике частной концепции. Чаще такие разработки проводят соискатели ученой степени в своих квалификационных работах, где главный критерий их профессиональной состоятельности – научная новизна, а не теоретическая значимость работы и не границы потенциала новой методики, не ее место среди аналогов, не возможности ее органичной интеграции в фактуальный базис дисциплины (что, скорее, уже входит в задачи другого уровня методологической рефлексии).

Вторая «пограничная область» – третий уровень методологии. Философы и методологи различают четыре уровня методологии науки: 1) философской методологии; 2) общенаучных принципов и форм исследования; 3) конкретно-научной методологии; 4) уровень методики и техники исследования (см. обзоры [Мазилов, 2017; 2020; Корнилова, 2006; Степин, 2020; Юревич, 2005]; др.); их внимание объяснимо концентрируется на первых двух уровнях; освоение третьего и четвертого ложится на представителей отдельных научных специализаций, но чаще остается без должной разработки. В ряде отношений четыре уровня методологии представляют собой не столько континуум методологической рефлексии ученых, но и явно дискретные фрагменты рефлексии учеными своей деятельности, в каких-то значениях отграниченные друг от друга. И объяснимо, что между продвижением методологов науки и освоением новых рубежей работниками «полей» остается большой «зазор»; есть невидимые барьеры, не позволяющие активно интегрировать достижения тех, кто «видит горизонты науки».

Преодоление дискретности разных пластов методологической рефлексии возможно при условии, если такая деятельность проводится на втором, третьем и четвертом уровне методологами и представителями конкретных научных дисциплин и специальностей пусть и не «параллельно», но согласованно; именно «методология сни-

зу» (по В. А. Мазилову) способна поддержать цельность и мощь базового методологического сопровождения. И если четвертый уровень – метаанализы состояния методического арсенала, разработки принципов конструирования методик и их прилежная реализация – достаточно широко представлен в современной психологии, то уровень конкретно-научной методологии остается «серой зоной», «слабым звеном» цепочки уровней рефлексии; в силу разных причин он остается вне поля внимания методологов, вне ответственности полевых исследователей.

Вместе с тем возможны и желательны разные опыты интеграции психологического знания, разные опыты расширения «горизонта видения» проблем, естественно возникающие при формулировании новой цели нового исследования, при изложении учебного курса, при встрече с новыми повторяющимися фактами в процессах проведения НИР. В качестве примера самой возможности решения таких задач полевыми исследователями, специализирующимися в отдельных областях, сошлемся на наш скромный опыт [Толочек, 2021а; 2021б; 2021в]. Каждый такой опыт был лишь нашим ответом на «вызов» обстоятельств, с которыми обычно встречается каждый исследователь, каждый преподаватель; ответом, лишь несколько превышающим границы установленного.

Основными препятствиями для успешного решения задач третьего уровня выступают, вероятно, сложившаяся в последние 30–40 лет демографическая деформация в отечественной науке, низкая ротация кадров преподавателей вузов и НИИ, низкая оплата труда, сложности выстраивания конструктивных отношений с другими организациями, в которых можно было бы проводить масштабные и неординарные НИР и ННР, обычно сочетающиеся с множеством «вызовов».

Если поставить вопросы, где появляются «точки бифуркации» в эволюции психологии, где в связях ее частей появляются разрывы и что можно было бы улучшить, если ставить целью создание интегративной психологии (коммуникативной, по В. А. Мазилову), то напрашиваются следующие направления совместной работы представителей всех ее ветвей и частей:

- Оптимизация общей базы обучения (в значительной части).
- Расширение форм практики студентов, включающих непосредственную работу с людьми, в организациях.

- Расширение разработок методологов, охватывающих базовые аспекты всех частей психологии.
- Развитие методологии третьего уровня.
- Публикации работ методологов на общедоступных «площадках».
- Проведение совместных научных конференций; конференций, включающих мастер-классы «практиков».
- Введение как обязательной части в требования к квалификационным работам проведения формирующего психолого-педагогического эксперимента.

Практика студентов должна быть реальной практикой участия в технологиях управления человеческими ресурсами, разрешения конфликтов, приема и увольнения людей, в колл-центрах, контакт-центрах, в госпиталях и прочее – там, где жизнь человека проявляется в ее апогее. Воплощение в жизнь таких форм на уровне постановлений Правительства РФ едва ли ожидаемо и в отдаленном будущем, но в обозримом возможно на уровне договоров ректоров вузов и директоров предприятий.

Декларируя принцип единства теории, эксперимента и практики еще 40 лет, «академики», вероятно, также мало продвинутся в его реализации, уже вследствие возрастающей дифференциации науки (как пример, одной из самых древних: астрология – астрономия – космология – планетология – ...). В обозримом будущем интегральные подходы, вероятно, более реализуемы именно в прикладных ветвях психологии и этот ценный опыт должно внимательно изучать.

Одним из барьеров на пути интеграции разных ветвей психологии выступают и утвержденные «академиками» ВАК-специальности. Показательным примером может служить явно искусственное разделение таких смежных ветвей дисциплины при защите квалификационных научных работ, как психология труда, социальная психология и психологии спорта, согласно ВАК-специальностям (в прошлой системе как 19.00.03 – психология труда; 19.00.05 – социальная психология и 19.00.01 – общая психология, психология личности, история психологии), а также близкой педагогической дисциплины с очень широким полем междисциплинарных работ – 13.00.04. К слову, около 70 % диссертаций по проблеме индивидуального стиля деятельности в 1970–1980-е годы представлялись к защите по специальности 13.00.04 («Теория и методика физического воспитания, спортивной трениров-

ки, оздоровительной и адаптивной физической культуры»). Именно в таких работах имело место «единство теории, эксперимента и практики» [Ломов, 1984; 2006] не как декларации, а как установившейся практики выполнения квалификационной работы. Как правило, диссертации включали три блока: данные обследования членов сборных команд страны, сборных команд региона (что позволяло выделять «точки роста» в подготовке спортсменов), проведение годичного психолого-педагогического эксперимента (в группах детей, юношей, юниоров), подтверждающего и уточняющего «теорию».

Заключение

Взаимоотношения (людей, социальных институтов, научных дисциплин, их частей и пр.) должны быть именно взаимными, отношениями равных, а не односторонними суждениями и оценками одних меры несовершенства, незрелости или несоответствия нашим «канонам» других. Рассуждения о взаимоотношениях академической и прикладных ветвей психологии в духе декларации Р. Киплинг («Бремя белого человека») едва ли продуктивно. Отношения «теории» и «практики» многогранные, давно переплетенные, прямо и косвенно взаимно обуславливающие друг друга, не остались лишь достоянием далекого прошлого; они – и наше настоящее и будущее; существуя в разных социальных практиках, функционируя по разным законам, они обслуживают разные потребности людей – больших групп и отдельного человека.

Напомним ответ Иисуса Христа на вопрос Понтия Пилата: «Истина – то, что у тебя сейчас болит голова» (то есть в настоящее время у конкретного человека наблюдается дисфункция конкретного органа). Можно предположить, как бы ответил «правильный ученый», вероятно, игнорируя болезненное состояние Пилата: «Истина – это соответствие знания действительности, соответствие содержания эмпирического опыта теоретическому знанию; истина – правильное отражение действительности в мысли. С одной стороны, истина есть цель научного познания, а с другой – она самоценность, обеспечивающая возможность согласования научного знания с объективной реальностью, выступающая основанием для комплекса базовых решений теоретических и практических задач. Также можно различать абсолютную и относительную истину, выделять разные критерии истины ...» [Большая ... 2002; Философский ..., 1980]. Допустим,

что, получив такой ответ, Понтий Пилат отпустил бы ученого как совершенно безвредного для общества, как человека «не от мира сего», суждения которого малопонятны окружающим; едва ли такой диалог стал бы достоянием Истории.

Какой должна быть наша психология в идеале? «Чистой наукой», открытой лишь для избранных, посвященных? Кто мы и какие мы? Чему мы служим? Что создаем? За что получаем свое материальное вознаграждение (пусть и оскорбительно скромное)?

В частных беседах Е. А. Климов признавался, по распределению после университета оказавшись в средней школе, переживал чувство стыда, что почти ничего не мог сделать как практический психолог. Выход он нашел своеобразный – организовал в школе музыкальный ансамбль (чтобы как-то компенсировать отсутствие должных умений и знаний в практической психологии); после увольнения – активно и продуктивно работал как администратор НИИ и вуза, как ученый, проясняя и предлагая другим делать то, что не мог в свое время делать сам (в каком-то смысле это была сверх-компенсация по А. Адлеру).

В начале 1990-х, автор статьи – кандидат наук, заведующий лабораторией отраслевого НИИ, ушел работать в коммерческую организацию. Реализовать программы научно-прикладных работ (НПР) не дали; требовали то, что, по мнению администрации, должен делать психолог и чего автор статьи избегал, настаивая на реализации своих НПР. До настоящего времени автор так и не избавился от чувства стыда за свою профессиональную ограниченность, за свою неадекватность ситуациям («много знает, но ничего не умеет» – резюмировал один сослуживец). Во второй организации удалось реализовать свое видение задач психолога, что также помогало значительно расширить и свой репертуар практических действий. Некоторые результаты работы были ощутимы и даже весомы. Но самые значительные профессиональные достижения относятся к первому периоду – времени практической работы в спорте высших достижений (СВД). И до настоящего времени автор статьи переживает гордость и удовлетворенность работой, его пусть и скромного, но реального участия в общем деле, отраженного в реальных результатах других людей. Такая продуктивная сопричастность была не столько его заслугой, а более заслугой старших коллег, сформировавших ту социальную нишу в системе психологи-

ческого сопровождения спортсменов, в которой можно было обходиться скромным методическим инструментарием, скромными знаниями, которые были адекватны актуальному запросу людей. (Для сравнения, «бумажные результаты» не сопоставимы с былым удовлетворением от реальных результатов реальной работы; если в первый месяц после выхода хорошей статьи и присутствует удовлетворение от хорошо сделанной работы, то вскоре это забывается, оттесняется критическим разбором и размышлениями о новых проектах; и всегда остается чувство незавершенности....).

Вернемся к вопросу предмета дисциплины. А разве во «внутренний мир человека» как целостного идеального мира, порождаемого как функциональное отражение мира внешнего, представляющего собой устойчивую субстанциональную сущность [Мазиллов, 2020] не входят наши запросы к *Миру* внешнему и запросы *Мира* внешнего нам, наши переживания складывающихся отношений с ним (жалобы, сомнение, боль, стыд, гордость и мн. др.)? Психология – это дисциплина, которая должна отвечать на все «усредненные» вопросы всем людям одновременно, никак не иначе?

Обратимся к констатациям методолога: «в современной психологии недостаточно представлен необходимый *методологический анализ накопленных знаний*, что выступает существенным *препятствием на пути интеграции* в психологии» [Мазиллов, 2020, с. 77]; (здесь и ниже курсивом выделено автором статьи); «в современной психологии доминирует *установка на поиск отличий*» [Мазиллов, 2020, с.110]; «Несоизмеримы теории ... потому, что у них *нет общей фактуальной базы*. ... не учитывается *сложная архитектура факта*. ... психологический факт имеет *уровневое строение*, что делает возможным реальное соотнесение фактов, относящихся к разным теориям» [Мазиллов, 2020, с. 110]; «предмет предлагалось понимать как *совокупный предмет, обнимающий всю психологическую реальность*» [Мазиллов, 2020, с. 152]. «Цель коммуникативной методологии состоит в *разработке теоретической модели, обеспечивающей соотнесение психологических концепций* и осуществление на этой основе интеграции психологического знания. ... Перспективной задачей следует полагать *выход за пределы научной психологии и осуществление интеграции между научным и практико-ориентированным психологическим знанием*» [Мазиллов, 2017, с. 343].

Библиографический список

1. Андреева Г. М. Социальная психология. Москва : Аспект-Прогресс, 2005. 363 с.
2. Бернштейн Н. А. Биомеханика и физиология движений: Избранные психологические труды. Москва : МПСИ, 2004. 688 с.
3. Большой энциклопедический словарь. Москва : «Большая Российская энциклопедия», 2002. 1456 с.
4. Василюк Ф. Е. Методологический смысл психологического схизиса // Вопросы психологии. 1096. № 6. С. 25–40.
5. Взаимоотношения исследовательской и практической психологии / под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. Москва : Институт психологии РАН, 2015. 574 с.
6. Григорьев В. И. Фрактальная структура предсоревновательной подготовки бегунов на средние дистанции // История, современность и инновации в спортивной науке : сб. мат. Всероссийской научно-практической конф. и с международным участием [02–03 ноября 2023 года]. Санкт-Петербург : ФГБУ СПбНИИФК, 2023. С. 26–32.
7. Дорохов С. И. Основы имитационного моделирования спортивных игр // История, современность и инновации в спортивной науке : сб. мат. Всероссийской научно-практической конф. с международным участием [02–03 ноября 2023 года]. Санкт-Петербург : ФГБУ СПбНИИФК, 2023. С. 32–37.
8. Журавлев А. Л. Пути и принципы взаимодействия теоретико-экспериментальной психологии и практики / А. Л. Журавлев, Д. В. Ушаков // Взаимоотношения исследовательской и практической психологии / под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. Москва : Институт психологии РАН, 2015. С. 18–69.
9. Зинченко В. П. Преходящие и вечные проблемы психологии // Труды Ярославского методологического семинара (методология психологии). Т. 1. / под ред. В. В. Новикова (гл. ред.), И. Н. Карицкого, В. В. Козлова, В. А. Мазилова. Ярославль : МАПН, 2003. С. 98–134.
10. Зинченко В. П. Философское наследие. Москва ; Санкт-Петербург : ЦГИ «Принт», 2016. 504 с.
11. Карпов А. В. Психология деятельности. В 5 т. Т. 1: Метасистемный подход. Москва : РАО, 2015. 546 с.
12. Корнилова Т. В. Методологические основы психологии / Т. В. Корнилова, С. Д. Смирнов. Санкт-Петербург : Питер, 2006. 320 с.
13. Костин А. Н. Организационно-процессуальный анализ психической регуляции сложной деятельности / А. Н. Костин, Ю. Я. Голиков. Москва : Институт психологии РАН, 2014. 448 с.
14. Мазилев В. А. Теория и метод в психологии. Ярославль : МАПН, 1998. 359 с.
15. Мазилев В. А. Методология психологической науки: история и современность. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2017. 419 с.
16. Мазилев В. А. Предмет психологии. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2020. 175 с.

17. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. Москва : Наука, 1984. 448 с.
18. Ломов Б. Ф. Психическая регуляция деятельности. Избранные труды. Москва : Институт психологии РАН, 2006. 624 с.
19. Сосланд А. И. Психотерапия в сети противоречий // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2006. Т. 3. № 1. С. 46–67.
20. Степин В. С. Теоретическое знание. Москва : Прогресс-Традиция, 2000. 744 с.
21. Толочек В. А. Методы и методология полевых исследований: открытые вопросы. Ч. 1 // Ярославский педагогический вестник. 2021а. № 2 (119). С. 69–79. DOI 10.20323/1813-145X-2021-2-119-69-79
22. Толочек В. А. Методы и методология полевых исследований: открытые вопросы. Ч. 2 // Ярославский педагогический вестник. 2021б. № 3 (120). С. 72–86. DOI 10.20323/1813-145X-2021-3-120-72-86
23. Толочек В. А. Психология труда. Санкт-Петербург : Питер, 2021в. 496 с.
24. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. Москва : Политиздат, 1980. 444 с.
25. Шадриков В. Д. Системогенез ментальных качеств человека. Москва : Институт психологии РАН, 2022. 287 с.
26. Юревич А. В. Психология и методология. Москва : Институт психологии РАН, 2005. 312 с.

Reference list

1. Andreeva G. M. Social'naja psihologija = Social psychology. Moskva : Aspekt-Progress, 2005. 363 s.
2. Bernshtejn N. A. Biomehanika i fiziologija dvizhenij: Izbrannye psihologicheskie trudy = Biomechanics and movement physiology: Selected psychological works. Moskva : MPSI, 2004. 688 s.
3. Bol'shoj jenciklopedicheskij slovar' = Large Encyclopedic Dictionary. Moskva : «Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija», 2002. 1456 s.
4. Vasiljuk F. E. Metodologicheskij smysl psihologicheskogo shizisa = Methodological meaning of psychological schism // Voprosy psihologii. 1096. № 6. S. 25–40.
5. Vzaimootnoshenija issledovatel'skoj i praktičeskoj psihologii = Relationships between research and practical psychology / pod red. A. L. Zhuravleva, A. V. Jurevicha. Moskva : Institut psihologii RAN, 2015. 574 s.
6. Grigor'ev V. I. Fraktal'naja struktura predsorevnovatel'noj podgotovki begunov na srednie distancii = Fractal structure of pre-race training of middle distance runners // Istorija, sovremennost' i innovacii v sportivnoj nauke : sb. mat. Vserossijskoj nauchno-praktičeskoj konf. i s mezhdunarodnym uchastiem [02–03 nojabrja 2023 goda]. Sankt-Peterburg : FGBU SPbNIIFK, 2023. S. 26–32.
7. Dorohov S. I. Osnovy imitacionnogo modelirovani-ja sportivnyh igr = Basics of simulated simulations of sports games // Istorija, sovremennost' i innovacii v sportivnoj nauke : sb. mat. Vserossijskoj nauchno-praktičeskoj konf. s mezhdunarodnym uchastiem [02–03 nojabrja 2023 goda]. Sankt-Peterburg : FGBU SPbNIIFK, 2023. S. 32–37.

8. Zhuravlev A. L. Puti i principy vzaimodejstviya teoretiko-jeksperimental'noj psihologii i praktiki = Ways and principles of interaction of theoretical and experimental psychology and practice / A. L. Zhuravlev, D. V. Ushakov // Vzaimootnosheniya issledovatel'skoj i prakticheskoj psihologii / pod red. A. L. Zhuravleva, A. V. Jurevicha. Moskva : Institut psihologii RAN, 2015. S. 18–69.
9. Zinchenko V. P. Prehodjashhie i vechnye problemy psihologii = Transient and eternal problems of psychology // Trudy Jaroslavskego metodologicheskogo seminara (metodologija psihologii). T. 1. / pod red. V. V. Novikova (gl. red.), I. N. Karickogo, V. V. Kozlova, V. A. Mazilova. Jaroslavl' : MAPN, 2003. S. 98–134.
10. Zinchenko V. P. Filosofskoe nasledie = Philosophical heritage. Moskva ; Sankt-Peterburg : CGI «Print», 2016. 504 s.
11. Karpov A. V. Psihologija dejatel'nosti = Psychology of activity. V 5 t. T. 1: Metasistemnyj podhod. Moskva : RAO, 2015. 546 s.
12. Kornilova T. V. Metodologicheskie osnovy psihologii = Methodological foundations of psychology / T. V. Kornilova, S. D. Smirnov. Sankt-Peterburg : Piter, 2006. 320 s.
13. Kostin A. N. Organizacionno-processual'nyj analiz psihicheskoy reguljacji slozhnoj dejatel'nosti = Organizational and procedural analysis of the mental regulation of complex activities / A. N. Kostin, Ju. Ja. Golikov. Moskva : Institut psihologii RAN, 2014. 448 s.
14. Mazilov V. A. Teorija i metod v psihologii = Theory and method in psychology. Jaroslavl' : MAPN, 1998. 359 s.
15. Mazilov V. A. Metodologija psihologicheskoy nauki: istorija i sovremennost' = Psychological Science Methodology: History and Modernity. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2017. 419 s.
16. Mazilov V. A. Predmet psihologii = Subject of psychology. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2020. 175 s.
17. Lomov B. F. Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psihologii = Methodological and theoretical problems of psychology. Moskva : Nauka, 1984. 448 s.
18. Lomov B. F. Psihicheskaja reguljacija dejatel'nosti. Izbrannye trudy = Mental regulation of activity. Selected works. Moskva : Institut psihologii RAN, 2006. 624 s.
19. Sosland A. I. Psihoterapija v seti protivorechij = Psychotherapy in the network of contradictions // Psihologija. Zhurnal Vysšej shkoly jekonomiki. 2006. T. 3. № 1. S. 46–67.
20. Stepin V. S. Teoreticheskoe znanie = Theoretical knowledge. Moskva : Progress-Tradicija, 2000. 744 s.
21. Toloček V. A. Metody i metodologija polevyh issledovanij: otkrytye voprosy = Field research methods and methodology: Open Questions. Ch. 1 // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2021a. № 2 (119). S. 69–79. DOI 10.20323/1813-145H-2021-2-119-69-79
22. Toloček V. A. Metody i metodologija polevyh issledovanij: otkrytye voprosy = Field research methods and methodology: open questions. Ch. 2 // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2021b. № 3 (120). S. 72–86. DOI 10.20323/1813-145X-2021-3-120-72-86
23. Toloček V. A. Psihologija truda = Psychology of labor. Sankt-Peterburg : Piter, 2021v. 496 s.
24. Filosofskij slovar' = Philosophical dictionary / pod red. I. T. Frolova. Moskva : Politizdat, 1980. 444 s.
25. Shadrikov V. D. Sistemogenez mental'nyh kachestv cheloveka = Systemogenesis of human mental qualities. Moskva : Institut psihologii RAN, 2022. 287 s.
26. Jurevich A. V. Psihologija i metodologija = Psychology and methodology. Moskva : Institut psihologii RAN, 2005. 312 s.

Статья поступила в редакцию 18.01.2024; одобрена после рецензирования 15.02.2024; принята к публикации 28.03.2024.

The article was submitted 18.01.2024; approved after reviewing 15.02.2024; accepted for publication 28.03.2024.